

собратья  
по перу  
из  
зарубежья



интервью

*Рустем Сульти:*

## «Казалось, до конца жизни буду жить в Казани...»

*ИМЯ Рустема Сульти было знакомо многим, в том числе и мне, с детства, с юношеских лет – мы ведь росли с песней на его стихи «Бер егет гармун сайлый» («Выбирает парень гармонию») в исполнении Салавата Фатхутдинова.*

*Приехав в Казань учиться, мне привелось много слышать о Рустеме Сульти. «Есть такой прекрасный поэт...», «Живёт сейчас в Турции...» и т. д. Почему за границей? Почему не приезжает? Почему не издаются его книги? Какой он человек?.. – подобные вопросы интересовали меня. Как говорится, не знаешь, где найдёшь, где потеряешь. И вот однажды я увидел фотографию и биографические данные Рустема Сульти в справочнике «Наши писатели», изданном в 2009 году, и познакомился в библиотеке с его первым стихотворным сборником «Мин – шигырьдэн» («Я – из стихов»). Своеобразие стихотворного стиля и поэтической мысли говорили о несомненном таланте автора.*

*И вот в наше издательство поступила рукопись с его новыми стихами, затем появилась возможность познакомиться и с ним самим. Общение с глазу на глаз с татарским поэтом, проживающим в Лондоне и вернувшимся на родину по издательским делам, было интересным и познавательным.*

*В 2019 году, к 50-летию поэта, наконец-то увидел свет второй поэтический сборник Рустема Сульки «Месафир» («Странник»). Новую книгу я прочитал на одном дыхании, многие стихи потом перечитывал – они дали мне необыкновенный душевный подъём и при каждом новом прочтении открывали что-то новое. В них я нашёл ответы на многие волнующие меня вопросы. В то же время как большой поэт, мыслитель и достойный сын татарского народа Рустем-абый в своей книге задавал современникам неожиданные вопросы.*

*Как говорят в народе, «одна встреча – одна жизнь». Так что, воспользовавшись встречей, поговорим о жизни.*

110

**– Рустем-абый, вы родились в деревне Шыгырдан Батыревского района Чувашской Республики. Здесь закончили среднюю школу, затем учились в Казанском государственном университете на факультете татарской филологии, истории и восточных языков... Уже в студенчестве (90-е годы прошлого века) стали известны как один из самых даровитых молодых поэтов в татарской литературе. Вспомним те годы...**

– Спасибо за добрые слова... Но тут сразу оговорюсь: вследствие того, что события происходили со мной лично, естественно, в моём рассказе будет много «я». Прошу не принимать это за нескромность. Вообще-то, я не очень люблю рассказывать о себе, особенно о малоприятных событиях моей жизни. Но учитывая, что задаваемые вопросы во многом однотипны, думаю, настало время ответить, поведать о них хотя бы в назидание другим. Легко сказать: прошло почти тридцать лет. Однако душевные раны долго заживают. Кто-то из моих обидчиков ещё жив, а кого-то уж и нет на этом свете. Но у тех и других есть семьи, дети, поэтому будет правильно не называть их имён.

Я вырос не в религиозной (хотя бабушка моя соблюдала пятикратный намаз), но по стандартам того времени в традиционной, консервативной семье. Как известно, именно в семье закладываются основы личности. Мой взгляд

на мир строился согласно нравственно-воспитательным критериям «допустимое – запретное», поэтому употребление спиртного и другие подобные элементы жизни были для меня чужды. Но и общество того времени, привыкшее к одним накатанным стандартам, не спешило принимать меня с распростёртыми объятиями. Не знаю, как сейчас, но в СССР, также и в последующие годы, чтобы быть допущенным в определённые места, недостаточно было наличие дарования, а существовали некие условия, связанные с совместной, прямо скажем, пьянкой.

Всё это я позже понял. В один из дней, когда перед литературной секцией, на которой должны были рассматриваться мои стихи, некто потребовал у меня спиртное и этим словно ударил по голове. Сами понимаете, я, будучи своенравным мишарином из известного Шыгырдана, себя в обиду не дам. Но и других не обижу. Тогда мне было лет восемнадцать-девятнадцать. И у меня, несмотря на юный возраст, хватило решительности ответить отказом. Тот человек ушёл, бросив вслед: «Ладно, пеняй на себя, увидишь ещё...»

Увидел... На заседании секции, вдоволь поиздевавшись над моими стихами, он вынес вердикт, что из меня поэта не выйдет. Это сейчас каждый, маломальски шевелящий пером, имеет возможность печатать свои вирши. Было бы такое в 80-е... В то время единствен-

ный путь к печати лежал через одобрение литературных секций. Таким образом, первая моя попытка опубликоваться завершилась крахом. Хорошо ещё в момент отчаяния, когда казалось, что «всё кончено, больше не буду писать», моя тетрадь со стихами попала в руки Лены Шагирзян. Вместе с произведениями других авторов, опубликованными в 1988 году на страницах газеты «Татарстан яшьләре» («Молодёжь Татарстана»), она проанализировала и мои стихи, дав им высшую оценку. «Парень вселяет надежду!» – слова её эти оставили меня в поэзии. Но и этого не было достаточно. Чтобы вступить на большую дорогу литературы, следовало сильно постараться.

И всё же в поэзию я вошёл, остаюсь верным своим принципам. По иронии судьбы через несколько лет эти же стихи в руках тех же «корифеев» были удостоены похвалы. Есть же на свете люди, меняющие свои убеждения сообразно смене направления ветра...

Окончив университет, я устроился на работу в редакцию журнала «Идел». Увидел свет мой первый сборник стихотворений. Был удостоен одобрения и похвалы многих известных писателей, таких как Мударрис Аглямев, Радиф Гаташ, Ахсан Баян, Ильдар Юзеев, Ахмет Рашит, Аяз Гилязов, Рафаэль Мустафин, Рустем Мингалим, Зиннур Мансуров, Фаиз Зулькарнай. Был принят в Союз писателей Татарстана (тогда СССР). В то время я был самым молодым писателем в республике и, казалось, до конца жизни буду жить в Казани...

**– У нас, писателей, ходят легенды о том, как вы уехали за границу. Скажите, что повлияло на принятие такого решения? Это ведь нелёгкий выбор. Уезжая в Турцию, думали ли, что надолго? Или ваша судьба – быть странником?**

– Мне было всего лишь 22–23 года. Тогда у меня был пик известности. Всё красиво... Только эта красота требовала жертв. Некоторых моё триумфальное восхождение шокировало. Но, как



говорится, джин был уже выпущен из бутылки. Не хочу вдаваться в подробности: зависть, клевета, подстава... – всё имело место. По жизни мне приходилось общаться с людьми разных национальностей. Конечно, встречались и хорошие, и плохие. Но, как в среде представителей интеллигенции или считавшихся таковыми, нигде больше не видел такой травли и унижения. Мой покойный учитель Мухаммат Магдеев говорил: «Татарская интеллигенция, если пристанет, и ты упадёшь, будет топтать тебя, пока не прикончит». На столько прав оказался!

И хоть стал я для Казани «белой вороной», всё равно остался самим собой. Только место, образ жизни вышли не такими, как я мечтал. Окружающая среда того времени давила на меня, оскорбляла... Не выдержал я. Последней каплей терпения был журнал «Идел».

Станным получился мой уход с работы. Я был принят на должность литературного редактора, через какое-то время, сославшись на приход «нового ре-

дактора», меня перевели в кабинет технических работников. В то время о моём состоянии хорошо знал Альберт Тахавиев. К сожалению, весной 2020 года его не стало. Оставленные мною рукописи и книги он бережно хранил в течение 25 лет. Среди них я нашёл и свои первые стихи. Чтобы не растерялись, включил их в сборник «Мөсафир». Обнаружил и настольный календарь. На отдельных страницах в мой адрес написаны обидные стишки. Помню, как-то в сердцах сказал им: «Под суд отдам». После этого, несмотря на то, что были при редакции водители, разные помощники, меня в качестве курьера отправили к заместителю прокурора Татарстана с каким-то письмом. Хотели унижить, дескать, знай своё место! Вскоре для меня не то что комнаты, даже стола не стало хватать. Где находил место, там устраивался и работал. Не знаю, как сейчас в Казани, на Западе это называют «буллинг», «моббинг», и за это наказывают. Но в 90-е годы, тем более в татарской среде, не могло быть и речи о какой-либо защите.

Терпение моё лопнуло, не выдержав, я выразил своё несогласие главному редактору. Ныне покойный Фаизэфенди Зулькарнай был исключительно хорошим человеком, но как руководитель не обладал сильным характером. И я не очень-то огорчился его словам, что он не может мне помочь. Сказав «ладно» и написав заявление об увольнении, ушёл по-английски. Я не держу обиды на Зулькарнай. Через несколько лет заехал проведать его. Он попросил оставить мои стихи для печати. Попрощались. Это была наша последняя встреча... Он опубликовал мою подборку. В предисловии написал: «На заглавье девушкам стройный, наш голубоглазый парень теперь учится в Турции, скучая, наверное, по «Идели». Спасибо ему за добрые слова. Только по «Идели» я не скучал.

Да, может быть, мне выпала судьба странника. Другого пути не было. Если бы остался в Казани, мало что изменилось бы. Страна разваливалась, жизнь

с каждым днём ухудшалась, заработная плата задерживалась месяцами, не было надежды приобрести квартиру. Опротивели общежития, полные пьяниц, надоело жить в одной квартире с хозяйкой. Обратился за помощью в Союз писателей – даже не шелохнулись. Одно время ночевал на работе. Редакция журнала «Идел» находилась тогда в пристрое к писательскому зданию. Вахтёры доложили о моих ночёвках руководству. До сих пор звучит в ушах издевательский смех одного из руководителей Союза писателей: «Ну, как там наша коммуналка?» Наверное, и в самом деле смешно было. Хорошо, что хоть не выгнали из этой «коммуналки». А так, где бы я жил, ожидая квартиру с 1992 года?..

В безызначности и растерянности дни проходили за днями, и вот однажды я узнал от одного высокопоставленного лица Турции о возможности поехать туда учиться. В то время Турция бурно развивалась. А мне достаточно было избавления от грязи и беспредела Казани 90-х годов. Махнув на всё рукой, решил уехать. Своим намерением поделился всего с несколькими людьми. Великодушный Мударрис Аглямов сказал мне: «Я тебя понимаю». И я присоединился к каравану уезжающей учиться молодёжи. Покидал Казань с большой обидой. Даже с мыслями, что никогда не вернусь и стихи писать больше не буду.

В Турции я почувствовал себя намного лучше. И там, конечно, не обошлось без трудностей. Но что бы ни случилось, было всё чище и пристойнее, чем в Казани. По прошествии года, мне привелось встретиться со своей учительницей Резедой Кадыровой. Она тоже задала вопрос, подобный вашему. Пока я обдумывал, что сказать, сама же и ответила: «Они хотели сделать тебя подобным себе. Не вышло. Вот и злятся. Молодец, не поддайся!» Затем ещё долго рассказывала о том, что ей самой пришлось пережить... Всё стало понятно. Мелкие душонки терпеть не могут на себя не похожих. Было немало желающих и её волю сломить... Очень жаль,

нам не удалось больше встретиться, она оставила этот бранный мир. Да пребудет в раю душа моей честной и искренней дорогой учительницы!

Обратите внимание на библиографический справочник Союза писателей Татарстана, выпущенный в конце 90-х годов: несмотря на то, что я с 1992 года являюсь членом Союза писателей Татарстана, меня там нет. Наверное, был вычеркнут кем-то. С надеждой, что навсегда. Слава Аллаху, в последнем издании восстановлен. Будто реабилитированная жертва каких-то бывших репрессий. Хотя до сих пор, оказывается, остались требующие «исключить Рустема Сульти из Союза». Казалось бы, за 29 лет членства я не был обузой для Союза. Не проводились мои творческие вечера, юбилеи, то есть организация не понесла никаких финансовых затрат. И не только, Союз не удосужился хотя бы электронным письмом поздравить меня с 50-летним юбилеем. Ладно, может быть, организуют мои похороны, если придётся умереть, возвратившись на родину. Других функций у Союза писателей, кажется, не осталось.

**– Первая ваша книга «Мин – шигырден» («Я – из стихов») увидела свет в 1992 году с предисловием Мударриса Аглямова. В одноимённом стихотворении вы пишете:**

На вопрос «Откуда ты?»  
Ответ один «Я из стихов!»

*(Подстр. пер.)*

**Насколько теперь верны вы поэзии?**

– Настолько, насколько позволяет судьба. Кто знает, может, если бы остался на родине, возможностей было бы больше. В детстве мы смотрели индийский фильм «Танцор диско» с главным героем Джимми. В наши дни фильм кажется примитивным, но тогда он был очень популярным.

Привожу пример из него. Чтобы убить Джимми, враги готовят ловушку: подают к его гитаре электрический ток под напряжением пяти тысяч вольт, ожидая, когда тот коснётся струн. Од-

нако эта ловушка становится причиной смерти не главного героя, а его матери. В итоге у Джимми возникает фобия к гитаре. Кто-то скажет, что это лишь выдумка голливудских сценаристов. Но ведь и отрицать возможность такого факта нельзя. Научно доказано: музыка, услышанная во время болезненного лечения зуба, у многих пациентов потом вызывает неприятные чувства. Вот и я испытывал подобное состояние. Долгое время не мог взять в руки перо, чтобы написать стихотворение. Более того, за несколько лет после отъезда прочитал ли я, спрашивается, хотя бы одну поэтическую книгу на татарском языке?.. Единственной книжкой была «Я – из стихов». С собой взял только её. Она была частицей моего прошлого. Название книги и предисловие Мударриса Аглямова всё-таки напоминали мне, откуда я родом. И постепенно поэтическое мироощущение вернулось ко мне. Понемногу начал писать. Недавно вот издал новый сборник. Стало быть, остался верен поэзии.

**– В своё время композитор Инсаф Хабибуллин положил на музыку ваше стихотворение «Бер егет гармун сайлы» («Выбирает парень гармонь»). В результате появился хит на все времена. Как было написано это стихотворение? И в какой степени песенные стихи способствуют популяризации поэта?**

– Однажды я приехал на железнодорожный вокзал раньше времени. Чтобы провести время, решил прогуляться и зашёл в ЦУМ. Заглянул в отдел, где продавались музыкальные инструменты. Когда-то я неплохо играл на гармонии. Воспользовавшись отсутствием покупателей, взял в руки гармонь и заиграл. Не помню, как долго играл, увлёкшись, опомнился, когда услышал из толпы слушателей за собой: «Вон, парень гармонь выбирает!» Из этих слов и родилось стихотворение. Написал я его в тот же день в поезде на Канаш. Если не изменяет память, оно по инициативе Лены Шагирзян было опубликовано в газете «Татарстан яшьләре».

Композитор Инсаф Хабибуллин прочитал мой стишок, вот и положил его на музыку.

Безусловно, популяризация поэта благодаря участию в создании песен возможна. Даже люди, никогда не читавшие моих стихов, знают, что я являюсь автором слов упомянутой песни. Только мне не хотелось оставаться поэтом-песенником. И не каждый автор слов песни бывает поэтом. По-моему, мало таких, кто является и поэтом, и автором песенных текстов в одном лице.

**– После прочтения второй вашей поэтической книги, изданной в Татарском книжном издательстве, я подумал: чтобы писать такие проникновенные стихи, может быть, и на самом деле, следует почти тридцать лет прожить вдали от родины?..**

– Чтобы создавать настоящую поэзию, не обязательно жить на чужбине. Например, и Дердменд, и Мударрис Аглямов – поэты, творившие на родной земле. Всё зависит от дара божьего и внутренней силы духа. За рубежом же, вдали от родины время и энергия зачастую тратятся, так сказать, вхолостую. И я вынужден признать, что немало лет моих и сил на чужбине просто потеряны. Я вынужден был начинать там с нуля. Мне снова пришлось днём учиться – быть студентом, а ночью, бывало, работать в супермаркетах... Но, слава Аллаху, всё-таки я встал на ноги. Скажу я вам: одно дело носить воду на спокойном коромысле, другое – состязаясь на Сабантуе... Ритм жизни на Западе совсем другой, скоростной, рваный... Не расплескался ли и я там в суеете ежедневной? Кто знает... Сражаясь у себя на одном фронте, на чужой земле вынужден был сражаться сразу на нескольких фронтах. Оглядываясь на прошлое, понимаю, что самое лучшее, сравнительно спокойное время моей жизни – это настоящее. То есть последние несколько лет – тот период, когда я смог собрать и передать в издательство свою рукопись.

В проживании за границей есть только одно преимущество: никто не меша-

ет творить и нет необходимости кому-то угождать.

**– Когда следует ожидать следующий сборник?..**

– Суждено ли будет выпустить ещё книгу – время покажет. С каждым годом всё труднее издаться. Как известно, живу я далеко от родного края. Для меня чуждо просить и ублажать. И мой «Странник», пережив несколько отстранений от годового плана издательства, увидел свет лишь в связи с моим юбилеем. И потом, иногда часами могу сидеть, подбирая единственно верное слово. А это требует времени.

**– Вы ведь ещё и учёный, и преподаватель. В чём заключается эта ваша деятельность?**

– Одно время я занимался только научной работой. Но в связи с сокращением новым правительством денежных фондов, ситуация изменилась. В настоящее время я работаю учителем. Преподаю английский и турецкий языки, а в нашем татарском обществе – бесплатно обучаю татарскому языку. В эти пандемические дни учебные заведения закрыты. Неизвестно, как будет дальше. Сижу без работы дома. Но всё же не совсем: появилась возможность закончить начатые научные статьи и время для написания новых. У меня есть надежда издать на английском языке отдельной книгой статьи, в которых на основе татарского фольклора параллельно отражён фольклор народов Востока и Запада.

**– В своё время поэт и переводчик Равиль Бухараев, живя в Лондоне, проделал большую работу по популяризации татарской культуры. Благодаря его стараниям в Лондоне на английском языке увидели свет избранные произведения Габдуллы Тукая, поэтическая поэма Кул-Гали «Кысса-и Юсуф», книги по национальной истории и литературе татарского народа. Не думаете ли продолжить работы в этом направлении? В литературе и культуре, если не напоминать о себе, могут ведь и «забыть»...**

– У меня другое мнение по этому поводу. Вообще, на Западе, особенно сейчас, книг читают мало. О простом народе и не говорю, даже среди учёных-ориенталистов до сих пор не приходилось встречать человека, кто бы мог сказать, что «прочитал столько-то книг таких-то татарских писателей». Изданные книги, разосланные в библиотеки, тоже забываются. Я не говорю, чтоб не переводились, но чтобы заявить о нации, прославить её, нужен язык, национальный язык. Не нужно ограничиваться только татарами. Необходимо искать пути для достижения возможно больших высот, то есть для ознакомления и обучения людей других национальностей. Я обращался и к министру образования Татарстана с предложением рассмотреть возможность открытия филиала института Каюма Насыри. «Кому он нужен, татарский язык?», – был ответ министра-эфенди. Когда таков мулла, что ожидать от прихода... Может быть, у них есть планы прославить татар в области спорта? Это тоже хорошо. Но вопрос языка должен быть первичным. Потому что Лондон – столица не только Великобритании, но и всего мира. Если сможем добиться преподавания татарского языка как факультативного занятия в каком-нибудь лондонском институте, это было бы большим шагом в повышении мирового престижа языка. Бесспорно, «окно» окажется открытым с видом не только на Европу, но и на весь мир.

По поводу того, что забудется имя, – это для меня не очень важно. Прошло почти 30 лет, как я уехал из Казани. Если не считать редких публикаций в газетах-журналах, моё имя не очень слышно. Достигнув этого возраста, я не единого стихотворения не опубликовал в социальных сетях. Несмотря на это, не позабыли же меня. Почти 30 лет прожил же без славы и званий, проживу и дальше.

Когда жил в Турции, перевёл на турецкий язык и издал дастан «Идегей». Татарстан в то время являлся членом организации Тюркской – этим трудом я

представил нашу республику, был его неуполномоченным представителем. Что в итоге? Ограничусь словами Тукая: «Бармыни бездә, гомумән, чын кеше кадерен белү?» – «Разве есть у нас умение ценить человека?» Равиль Бухараев с этой стороны был счастливым писателем. И отношения его с руководством были хорошие.

На собрании Союза писателей, когда зашёл разговор о подготовке подстрочника на английском языке татарской поэзии, была предложена моя фамилия. Только «главный абзый» в то время предпочёл промолчать, и мне не дали возможности внести свой вклад в это дело.

**– Меняется мир, образ жизни людей, меняются ценности... Как творческому человеку приспособляться к этому?**

– Доброта, справедливость, честь, достоинство, совесть, правда, истина, любовь – вневременные понятия. Помоему, жестокий и лживый человек, если и напишет стихотворение, всё равно поэтом стать не сможет. А потом есть одна особенность, характерная для всех времён со дня сотворения мира, – угнетатели и угнетённые. Так было вчера, сегодня, так будет и завтра. Никогда не исчезнут тёмные силы в этом мире. Поэтому, в какое бы время ни жил, Поэт должен оставаться верным общечеловеческим ценностям и моральным принципам, должен выступать против угнетателей, быть рядом с угнетёнными, выражать их мысли и чаяния.

За примером далеко ходить не надо. Чтобы найти ответ на ваш вопрос, следует рассмотреть функцию, миссию и роль древних народных поэтов. Сказители, называвшиеся «ерау», были среди тюрко-татар с древних времён. Не только в татарской поэзии, они и в общественно-политической жизни народа играли важную роль – согласовывали сложные ситуации между племенами, укрепляли дружеские и родственные связи, побуждали к доброте и дружбе. Когда было нужно, объединив народ против врага, призывали на борьбу.

Естественно, их стихотворные слова пользовались большим уважением. Если до второй половины XV века были сказители *ерау*, то позднее их функции в основном взяли на себя *чичаны*. Так же, как и *ерау*, *чичаны* в качестве народных поэтов и философов, воспитателей и историков, занимали место аксакалов государства. То есть горести и беды своего народа, страны, человечества *ерау-чичаны* принимали как свои и выражали в творчестве. Их произведения и ныне актуальны. И язык, и культуру мы получили от них. Люди, называвшиеся *чичанами*, и даже само слово «чичан», уходят из обихода, оставаясь лишь в устном народном творчестве. Да и не только – становится спорным даже места в обществе поэзии и поэта ... В идеале поэт – в традициях *ерау, чичанов* – должен обладать миссией объединения прошлого, настоящего и будущего. Подобно продолжателям *ерау-чичанов* – Кул-Гали и Кул-Шарифу, он должен быть здравомыслящим, правдивым и искренним, чтобы донести народу Слово.

**– Сколько татар живут в Великобритании? Собираются ли вместе, задумываются ли о будущем татарского языка, татарской нации? Как обустроена жизнь татар в Лондоне?**

– Численность татар, проживающих в Великобритании, интересует и меня. Может быть, набирается 1 000 человек. В самом Лондоне татар не очень много. Но всё же работает татарское общество, которое может являться примером для других диаспор. Проводятся праздники Сабантуя, Навруза, праздник Родного языка... – это присущие всем татарским обществам, это привычные мероприятия.

В Туманном Альбионе «Заман» является татаро-башкирским обществом, наша особенность заключается, наверное, в проживании здесь одной большой семьёй. Люди разных профессий, не жалея, делятся друг с другом своим временем, приглаждают за одинокими и нуждающимися, всегда готовы протянуть руку помощи. Пользуясь случаем,

невозможно не рассказать об одном случае.

В октябре 2019 года ночью один наш соплеменник отправил в группу сообщение: «Я выгнан из дома. Вынужден сейчас ночевать на улице», после чего все как один собрали деньги для оплаты ночёвки его в гостинице. Были определены люди, чтобы утром проведать соплеменника. Наша активистка по имени Наиля-ханум, поехав к нему ранним утром, привезла его в муниципалитет. С намерением разузнать от соседней суть произошедшего я решил заехать к нему домой. И что вижу – дверь дома распахнута. И деньги, и паспорт лежат на столе. Оказывается, наш одинокий соплеменник, по причине обострения болезни, холодными осенними ночами стал уходить ночевать в парках. Позволив, я отправил сообщение. Наиля-ханум привезла больного соплеменника домой. Вызвали «скорую помощь». Все были на ногах. Ночь мы провели в больнице. Или другой пример. Для больной девочки, ожидающей денег на операцию, мы организовали благотворительный *ифтар*. Было собрано достаточное количество денег. Хозяйка ресторана – уйгурка, одобвив наше намерение, внесла в нашу благотворительность свою щедрую долю.

Говорят: «Цени живых, знай могилы умерших». В посещении могил воинов мусульман-татар, погибших во время Первой мировой войны, участвовал наш гость из Казани, учёный Марат Гибатдинов. Это был второй приезд профессора Гибатдинова. Не только наши соплеменники, но и представители других национальностей с большим интересом слушали его лекции об истории татар. О вызове профессора Гибатдинова мы попросили у Президента Татарстана во время встречи с ним.

Как мы готовились к этой встрече! Кто-то разучивал танец, кто-то шил костюмы-платья, кто-то занимался приготовлением угощений... Многие другие работы, в том числе видео, мы послали на конкурс «Хәрәкәт», проходивший в



Москве, по итогам которого заняли первое место.

Основой общества, несомненно, должно быть сохранение родного языка. Число людей, равнодушных к татарскому языку и литературе, невелико, но оно есть. Уроки татарского языка проводятся в Центральной мечети Лондона и в турецком центре имени Юнуса Эмре. Пока большинство наших учащихся составляют люди, не знающие родного языка или плохо владеющие им. Но они являются татарами, которые понимают необходимость изучения родного языка, всей душой жаждут учиться, знать и читать на нём. Если и дальше будет так продолжаться, я надеюсь, людей, смело говорящих, читающих на татарском языке, станет больше.

У нас есть и успехи на этом поприще. Японец Чихиро Тагучи из Великобритании в Международной олимпиаде по татарскому языку стал обладателем Гран-при. Для говорящих на родном языке у нас есть «Клуб общения на татарском языке». Во время вирусного кризиса он работает в режиме онлайн. Так мы и живём – татароязычными татарами в Великобритании. Стараемся как можно чаще встречаться, как можно больше работать во благо нации.

**– Какие мысли рождаются о сегодняшнем Татарстане, Казани, татарских поэтах и писателях, глядя из Лондона?**

– По правде говоря, информации об этом нет или почти что нет. Читавшие историю России и историю ислама имеют некоторое представление о татарах. Но и для них татары – историческое племя, жившее где-то рядом с

Монголией. Любители футбола, быть может, ещё сумеют сказать несколько слов о Казани по ассоциации с казанским «Рубином». Только и всего. Что значат для зарубежья татарские поэты и писатели, когда там не знают даже Тукая? До сих пор я нашёл лишь одного татарина, известного англичанам, – это танцор балета Рудольф Нуриев. Хочу сказать: чем бить себя в грудь, мол, мир нас знает, лучше потратить эту энергию на популяризацию татарского языка.

**– Как вы сами представляете себе будущее татарского языка и литературы, татарского народа?**

– Когда разговор заходит на эту тему, слышатся пессимистические прогнозы о том, что «татары исчезнут», «татарский язык никому не нужен». И это не досужие мнения. Только не следует предаваться отчаянию, стоит надеяться на лучшее. Как бы то ни было, мы ведь всё ещё разговариваем и пишем по-татарски. В те времена, когда уже казалось, что татарский язык изжил себя, распался СССР, и родному языку дали немного свободы. Эти изменения произошли неожиданно. И если бы два года назад нам сказали, что появится коронавирус, люди будут бояться выходить на улицу, что резко поменяется вся мировая экономика, кто бы поверил в это? Наш мир, наша жизнь далее не будет как прежде, это точно. Народ сам решает судьбу родного языка, сам определяет свою жизнь. Судьба татарского языка – в наших руках. Не стоит ждать чудес, необходимо стараться, трудиться. Только в этом случае будущее татарского народа и татарского языка будет светлым и красивым.

*Беседовал Ленар Шаех*